

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ ЗАОНЕЖЬЯ*

Представлены основные черты говора северной части побережья Онежского озера (Заонежья), которые отражают сложную историю заселения данной территории и формирования региональной системы говоров. Описываются фонетические явления, возникшие под влиянием прибалтийско-финских языков: рецессивное передвижение ударения, при котором происходит изменение гласных первого слога (типа *ляжит* < лежйт, *с табой* < с тобой); переход [j] в [r'] и [d'] в начале слова (*гиздить* < ездить, *дес* < *дезд < езд), упрощение консонантных сочетаний (*гверста* > *верста*; *гресливый* > *ресливый*) и др. Уделяется внимание лексикализации некоторых фонетических явлений, диалектным словам, известным только говорам Заонежья.

Ключевые слова: говоры Заонежья, лексикализация фонетических явлений, языковые контакты

Для цитирования: Михайлова Л. П. Прибалтийско-финский фонетический компонент в лексике говоров Заонежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.399

ВВЕДЕНИЕ

Говоры Заонежья, в системе которых совмещаются разные в этимологическом, ареальном и хронологическом отношении явления, занимают особое место как во внутрирегиональном диалектном членении Карелии, так и в общерусской макросистеме. Лингвистические данные, касающиеся разных уровней языка, свидетельствуют о глубине и сложности формирования заонежских говоров и отдельных локальных групп. В отчете о поездках в Заонежье в 80-е годы XIX века А. А. Шахматов подчеркивал поразительное многообразие лингвистических, этнографических, исторических и других фактов и характеризовал Олонецкую губернию «неистощимой хранильницей в высшей степени драгоценного научного материала» [14: 762]. Особый заонежский говор зафиксирован собирателями фольклора П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом. Изучая историю формирования говоров Заонежья по лексическим связям с другими микрозонами, А. С. Герд приходит к выводу о том, что изменение изначально существовавшего прибалтийско-финского лингвистического ландшафта данной территории связано с новгородско-псковской колонизацией и с одновременным возникновением развитых форм билингвизма, последующим сосуществованием «рядом трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма» [2: 213]. Исследователи этнической истории Русского Севера подчеркивают: «Эпоха былого билингвизма – важный этап в древнейшей истории русских» в Заонежье, как и на смежных территориях – Пудожье, Паша, Оять, Свирь [3: 32]. Последний этап лингвистиче-

ской истории Заонежья А. С. Герд характеризует следующим образом:

«Отмирание билингвизма, переход на восточнославянскую речь; рост восточнославянских инноваций – период формирования особого заонежского типа севернорусских диалектов» [2: 213].

Цель данной статьи – опираясь на известные историко-лингвистические труды [1], [4], [6], [10], [12], [15], описать самые существенные фонетические явления и процессы, возникшие под влиянием прибалтийско-финской фонетической системы и определяющие говоры Заонежья как своеобразный этнолингвокультурный «остров» Русского Севера. В задачи исследования входит: 1) классификация фонетических явлений, составляющих своеобразие описываемых говоров (акцентуация, гласные, согласные звуки), их интерпретация известными учеными; 2) включение относительно новых лексических единиц, зафиксированных в СРГК¹, отражающих лексикализацию прибалтийско-финского фонетического явления на уровне варианта или самостоятельного слова.

ЛЯПАНЬЕ – ЗАОНЕЖСКОЕ «ЯКАНЬЕ»

Известный педагог, этнограф, член Русского географического общества В. Н. Майнов, в 1874 году побывавший в Обонежье, обратил внимание на яркие фонетические черты речи заонежан:

«...так ловко она вытянет гласную, смягчит согласную, поднимет, опустит голос там, где нужно, что речь так и льется у нея. < > Ударение он делает так, что иное слово сразу и не поймешь» [7: 89].

Своеобразной лингвистической карточкой Заонежья можно считать шутивную фразу «*Пяшком с мяшком до Медвѣжки*» (пословный перевод – «*Пешком с мешком до Медвежьегорска*»), отражающую одну из ярких особенностей говора северной части побережья Онежского озера, которую В. В. Колесов назовет заонежским «яканьем», объясняя перенос ударения на первый слог с одновременным преобразованием гласного (что в написании представлено буквами *е* и *я*) внутренними процессами развития фонетической системы говора [6].

А. А. Шахматов выделяет два различающихся говора на территории Заонежья – Кижешунгский, или ляпающий, и Толвуйский [13]. По утверждению ученого, «одну звуковую черту, выделяющую это наречие, местные жители называют ляпаньем» [13: 758], под которым имеется в виду перенос ударения на первый слог (реже – в середине слова – на предшествующий) и сопровождающий его переход гласных [о] и [е] соответственно в [а] и [я]. Б. П. Ардентов видит неоднородный характер говоров Заонежья в наличии екающего и якающего говоров, граница между ними идет с востока на северо-запад по пунктам Типиницы – Холмы – Поля – Пургино (это якающие деревни), далее на южный край губы Святухи: на восточном берегу губы – екают, на западном – якают [1: 74].

Н. П. Гринкова, описывая особенности олонецких говоров, отметила зафиксированные А. А. Шахматовым словоформы, в которых отражается данное явление [4: 369–374]. Перенос ударения на первый слог и одновременный переход [е] в [я] в данном слог в позиции после мягкого согласного представлены в текстах А. А. Шахматова большим количеством примеров, среди которых выделяются слова и формы с изменениями

(1) в корне полнозначительного слова:

бляснет – блеснёт, *блягом* – бегом, *бяда* – беда, *бьяжать* – бежать, *бьяруть* – беруть, *бязди* – вездѣ, *бязуть* – везут, *блясти* – плести, *стягать* – стегать, *тярпеть* – терпѣть, *чяловок* – человек, *ляжит* – лежит, *дяретесь* – дерѣтесь и др.,

(2) в местоимениях:

к *сяби* – к себѣ, *мяни* – мени (мне), *тябе* – тебѣ, *всяго* – всего, *ницяго* – ничего, *чяго* – чегѣ, *яго* – егѣ, *яму* – ему,

(3) в предлоге без:

бяз очков – без очко́в,

(4) в частице не:

ня бить – не бить, *ня боюсь* – не боюсь, *ня бронись* – не бранись, *ня бросай* – не броса́й, *ня возмешь* – не возме́шь, *ня возьму* – не возьму́, *ня вопи* – не вопи́, *ня могу* – не могу́, *ня отнимай* – не отнима́й, *ня потерять* – не потеря́ть, *ня пуцу* – не пуцу́, *ня ушли* – не ушли́, *ня хочу* – не хочу́.

Переход [о] в [а] в позиции после твердого согласного в первом слог или в анлауте неприкрытого первого слога, при переносе на него ударения также отмечен в значительном количестве слов и форм:

(1) в корнях полнозначительных слов:

авин – овин, *даить* – доить, *дамой* – домо́й, *жэниха* – жениха́, *даци* – дочѣ (дочѣ), *жэньцов* – женьцо́в (жнецов), *завем* – зове́м (зовѣм), *нацевать* – ночевать, *наслы* – послы́, *схади* – сходи́, *сгаворись* – сговори́сь и др.,

(2) в приставках и предлогах:

а́тдохни – отдохни́, *дажда* – дожда́ет, *накажись* – покажѣсь, *нанеси* – понеси́, *сабрались* – собра́лись, *сагреть* – согрѣть, *сашли* – сошли́, *ва весь рос* – во весь рост, *са христом* – со христо́м,

(3) в местоимениях:

аны – оны́ (они), *мая* – моя́, *тва́я* – твоя́, *с та́бой* – с тобо́й, *с са́бой* – с собо́й.

Приведенные примеры демонстрируют яркую фонетическую особенность заонежских говоров, лексикализация которой проявляется исключительно редко. При возникновении новой лексической единицы требуется не только ее географическая ограниченность, но и разрыв системных связей хотя бы на одном уровне. В настоящее время отмеченную особенность заонежского говора можно отнести к редким, сохраняющимся в речи единичных носителей архаического слоя диалекта. Однако зафиксирована лексикализация указанных явлений в словаре, СРГК приводит следующие слова, отражающие переход [е] > [а]:

ля́нник ‘поле для льна’, *ля́шать* ‘вспахивать полосу земли’, *мя́довик* ‘гнездо диких пчел с сотами’, *мя́дра* ‘нижняя губчатая или пластинчатая часть шляпки гриба’, *ня́коть* ‘коготь’, *о́кляять* ‘прийти в хорошее состояние (о цветах, растениях)’, *поля́мешать* ‘испугаться’ [текст «Увидела я медведя, поля́мешала, побежала метью»] иллюстрирует более точное толкование – ‘побежать’, ср. *лемешить* ‘идти частыми мелкими шажками, семенить’ Петрозав. Олон., *пья́кло* ‘лопата, которой сажают пироги в печь’, *пья́тун* ‘петух’, *пья́тушок* ‘иван-чай’, *стя́рнуть* ‘постирать’, *ря́вить* ‘громко кричать, плакать’, *мя́тла* ‘травя’ – с пометой Медв., *дя́нник* ‘загон для скота в поле или в лесу’ (в статье «Дѣнник») Кондоп., ‘мелкий кустарник’ Медв., *ря́шить* ‘сломать, поломать, исковеркать, привести в негодность’ Кондоп.

Не случайно более широко известно название *тя́стенники* ‘регионально-групповое прозвище жителей Заонежья’ Медв., Прион., наряду с *те́стенники* Медв. Каждый из приведенных вариантов имеет исходное слово (*ленник*, *леши́ть* и т. д.) той же или близкой семантики, бытующее на более широкой территории.

Единиц, отражающих лексикализацию перехода [о] > [а], в СРГК отмечено значительно меньше:

бра́дница ‘та, которая ходит пешком’, *ва́ложный* ‘приготовленный на масле, жирный’, *бора́ница* ‘борона’ – Медв., ср. *бродить*, *воло́жный*, *боронни́ца*; сюда

примыкает *бра́зды* ‘часть упряжи, удила’ – Кондоп., ср. *брóзди*.

В «Отчете о поездке в Олонецкую губернию летом 1886 года» А. А. Шахматов касается причин переноса ударения на первый слог:

«Хотя влияние городских диалектов оказалось незначительным, но зато здесь пришлось встретиться со значительным влиянием на русские говоры соседних финских наречий, сказавшимся не только в заимствованных словах, но главным образом в передвижении ударения на финский лад. На всем западном берегу Онежского озера сказывается сильное влияние финнов» [14: 760].

В курсе лекций по диалектологии в 1919 году при рассмотрении темы «Смещение и скрещение языков» А. А. Шахматов среди прочих приводит пример влияния карельского языка, имеющего в своей системе гласных дифтонги, на русский, обусловленного переносом ударения с конечного на начальный слог и изменением гласных [e] и [o]: *нэсу* > *нэасу* > *нясу*; *то́пор* > *то́апор* > *та́пор* [15: 35]. Исследователь отмечал сильное, даже разрушительное действие на звуки и формы языка, какое оказывает «влияние соседних языков через посредство возникающей в результате тесного с ними общения двуязычности» [15: 34]. При четкой аргументированности и обоснованности положений, выдвинутых А. А. Шахматовым, отметим, что при анализе акцентуации частной диалектной системы говоров Заонежья, проведенном А. В. Тер-Аванесовой в 80-е годы XX века, обнаружены признаки весьма архаичного ударения «кривичского типа»², что говорит не столько о неизменном интересе к говорам Заонежья с их сложной историей, сколько о необходимости их дальнейшего изучения.

ЗАМЕНА СРЕДНЕЯЗЫЧНОГО СОГЛАСНОГО В АНЛАУТЕ

В 60-е годы XX века Т. Г. Доля, изучавшая говоры Заонежья, записала произносительные варианты известных слов и форм:

гесь ‘есть, имеется’: *Дóхтур гóварит, балéсь грудная гесь*. Типиницы; *гыздить* ‘ездить’: *Нивéста гыздит по гаслям, па парóды. Жених то́жа гыздиу в гости. За нивестай гыздили пóездом. Гыздя с пíснямы*. Великая Нива; *Гóварит, загидям здись в диревню*. Волкостров³.

Здесь отражена яркая диалектная особенность – переход [j] в [г'] в начале слова, который обычно считают следствием взаимодействия русских с прибалтийско-финским населением, предположительно с вепсами [12: 43]. В живой речи русскоговорящих вепсов употребительны слова *гесли, гящик, гюбка, Гюрьев день* (ср.: если, ящик, юбка, Юрьев день), и, как подчеркивают исследователи, «это правило распространяется и на те диалекты и говоры, которые на вепсской почве характеризуются протезой d'» [12: 43]. Звук [j] в начале слова – «один из наиболее ярких диалектных маркеров на уровне фонетики вепсского языка» [5: 72]. Его рефлекс четко очерчивают

ареалы вепсских говоров: на юго-западе сохраняется исконный [j-] – *järv*, на севере на его месте возникает палатализованный [d'-] – *d'ärv*, на востоке палатализованный [g'-] – *g'ärv* [5: 72].

Влияние вепсского языка обнаруживается в наличии [д'] и [г'] на месте [j] в русской диалектной лексике, в частности в лексемах *дес* и *згыздо* / *сгыздо*, имеющих единый исконный корень *-езд-*. Ср. лексикографические данные: *езд* ‘наклонный настил из бревен, ведущий на второй этаж хозяйственной части дома’ Кондоп., Медв., Пуд., Выт., вариант *ездó* Пуд.; *дес* ‘бревенчатый настил для въезда на сарай’ Медв.; *згыздо* ‘то же’ Пуд.; *сгыздо* ‘пологий настил, помост, по которому завозили сено в сарай’ Карг. Последние две лексические единицы представляют собой варианты исходного слова *сьездó* Лод., Подп., Тихв., Выт., Плес., в которых в начале корня после приставки используется [г'] вместо [j], что говорит о распространении данного явления на Юго-Восточное Обонежье, включая Лаачскую группу говоров. Ср. сведения карты 71 «j / g' / d' в начале слова», указывающей на ограниченность данного явления районом южнее Онежского озера [5: 202–204]. В слове *дес*, помимо оглушения и сокращения конечного сочетания *-зд* > *-ст* > *-с*, отражена незакономерная мена [j-] ~ [д'-]. Надо полагать, что данный процесс произошел параллельно с меной [j-] ~ [г'-] и независимо от нее.

ИЗМЕНЕНИЕ ОДИНОЧНЫХ СОГЛАСНЫХ

Из других явлений незакономерного характера, возникших, возможно, не без влияния иноструктурного языкового окружения, отметим следующие: отпадение начального согласного *в-*: *аранíка* ‘название ягоды и растения’ Медв., ср. *воронíка, веронíка* ‘ягода семейства ворониковых’ Кем.; мена глухих и звонких звуков [б] и [п]: *белькúша* ‘керосиновая лампа без стекла’ Медв., ср. *пилькúша* ‘самодельный светильник’ Оят. Ленингр., Новг.; наличие мягкого согласного на месте твердого: *бя́ла* и *ба́ло* ‘приспособление для изготовления полозьев’ Медв.; твердого на месте мягкого: *задлáться* ‘затянуться во времени’ Кондоп., ср. *задлáться* в близких значениях Медв., Пуд., *лаговíна* и *ля́говина* ‘топкое болото’ Медв., ср. *ляговíна* Люб. Новг., Онеж. Арх., *ма́котя* ‘несообразительный, неловкий человек’ и *ма́котя* ‘о пьяном’ Медв.; *брудга* ‘подружка невесты’ Медв., ср. *брудга* ‘в свадебном обряде родственница со стороны жениха’ Кондоп., Медв., *закотóмки* ‘о парочках влюбленных’, ср. *закотéмки* ‘темный, укромный уголок’ Медв. и др.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В АНЛАУТЕ

Влияние неродственного иноязычного окружения в области фонетики обнаруживается в лексикализации некоторых явлений, обусловленной

особенностями финно-угорской системы. Например, отмечается упрощение консонантного сочетания в начале слова до одного звука:

верибой 'растение зверобой' Кондоп., ср. *зверобой*; *лыска́ться* 'медленно двигаться, плыть' Медв., ср. *блыска́ться* 'бродить, слоняться без дела, шляться, бродяжничать' Преил. Латв. ССР; *ло́чка́ть* 1. 'наносить удары, побои; бить, избивать' Медв., Прион., ср. *кло́чка́ть* 'ударять, бить' Медв.; *рути́ть* 'ронять, неожиданно выпускать из рук' Медв., ср. *крути́ть* (в руках); *ря́чкнуть* 'хрустнуть, хрупнуть (о кости)' Медв., Пуд., ср. *хря́чкнуть* 'издать звук, шелкнуть, хрустнуть' Медв.; *ля* усилит. част. 'служит для выражения удивления, восторга, сообщая эмоциональную окраску высказыванию; ведь' Медв., ср. *гля* междом. 'возглас при неожиданном узнавании' Пск. Пск., *гляй* междом. 'приглашение посмотреть, обратить внимание на что-н.; гляди, посмотри.' Кем., *гляй-ка* 'то же' Медв.; *ря́скнуть* 'загремять, грохнуть, ударить (о громае)' Медв., Кондоп., ср. *хря́скнуть* 'ударить с силой' Выт. Волог.; *ря́жа* 'длинная палка с привязанным на конце камнем, служащая грузом для рыболовной сети' Медв., Кондоп., ср. *гря́жать*, ср. *гря́жать* 'погружаться во что-н. топкое, вязкое; вязнуть' Медв.; *ро́гать* 'задевать, обижать, оскорблять, беспричинно кого-н.' Кондоп., ср. *тро́гать* разг. 'беспокоить, задевать, обижать'.

Приведенные данные, за исключением первого примера, демонстрируют преобразование сочетаний согласных, заканчивающихся плавным звуком, что указывает на действие закона восходящей звучности, который действовал в русском языке до падения редуцированных гласных.

гверст- и *грест-*

В группе родственных лексических единиц, в которую входит как основное слово *гверста́*, произошло неодинаковое преобразование консонантного сочетания в начале слова: 1. Происходит упрощение сочетания за счет исчезновения первого звука, *гв-* > *в-*: *верста́* 'мелкий камень, щебень; дресва', широко отмеченное в севернорусских говорах, представлено в Заонежье и Восточном Обонежье: *верста́* 'мелкодробленый камень, дресва' Медв., Пуд., ср. *гверста́* 'мелкий камень, щебень; дресва', широко известное псковским, новгородским, а также мурманским и некоторым западным говорам Архангельской и Вологодской областей. Вариант *дверста́* 'измельченный камень, крупный песок, используемый для очистки деревянных поверхностей' Карг., Леш., Мез., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк. Арх., по всей вероятности, следует рассматривать как вторичную лексическую единицу, отражающую мену [г] ~ [д]. В описываемой зоне представлены единицы, образованные от *верст-*: ср. варианты названия камня, легко поддающегося дроблению, – *ве́рстеник* Медв. *ве́рсеник*, *ве́рсник* Медв., Пуд. и *гве́рстеник* Медв., Пуд., 'рассыпчатый, легко поддающийся дроблению (о камне)' – *версли́вый*, *верстли́вый* Медв. и *гверсли́вый* Медв., *гверстли́вый* 'то же' Медв. Карел., Остр.,

Н.-Сок., Н.-Рж., Оп., Пск., Пуст. Пск. Данное изменение охватывает в основном территории с прибалтийско-финским населением, живущим бок о бок с русскими. О форме *верста́* А. И. Попов писал, что «можно быть уверенным в наличии финно-угорского фонетического воздействия, и действительно это областное слово олонечного происхождения родилось в непосредственном окружении со стороны карел и вепсов» [11: 14]. 2. Можно предположить, что преобразование корня *гверст-* (если именно его считать первоисточником) в *рест-* произошло более сложным путем – упрощением группы согласных и последующей метатезой (?). В говорах Заонежья отмечено слово *ресли́вый* 'легко разрушающийся от удара, хрупкий' Медв., ср. *грестли́вый* 'с мелкими камешками, гверстливый' Пск. Пск. Здесь отражается изменение *гр-* > *р-*, что имело место на начальном этапе, если принимать во внимание новонемецкое *Gries* 'дресва', древненемецкое *Grios* 'дресва' [11: 14], оставившее о себе память в заонежском слове, подвергшемся прибалтийско-финскому влиянию. Наиболее близким к германским словам является лексика данного семантического звена: *гресва́* 'песчаная земля с галькой' Сузун. Новосиб., *грества́* 'дресва, крупный песок, мелкий щебень' Великолукск. Пск., Мещов. Калуж., Твер., Пск., *грества́* 'мелкие осколки камня, дресва' Вл., Кун., Локн., Холм. Пск., *грестви́вый* 'имеющий способность распадаться на мелкие камешки, дресву' Пск., Осташк. Твер., *гверствя́ный* 'то же' Кун. Пск. и 'содержащий крупный песок, мелкие камешки' Вл. Пск., *грестли́вый* и *грестля́вый* 'с мелкими камешками, гверстливый' Пск., *гряствá* 'крупный песок из развалившихся под действием жары и воды камней' Мар., Молв. Новг. В данных словах отражается «значительное сходство с соответствующими иноязычными словами, не будучи, однако, заимствованиями в прямом смысле слова» [11: 14].

Освещая вопрос о фонетических изменениях при вхождении прибалтийско-финской топонимии в русскую в пределах Заонежья, И. И. Муллонен приводит примеры преобразования одиночных согласных в консонантные сочетания под воздействием *tt*-структуры русского анлаута, которая, по предположению исследователя, «провоцирует появление звуко сочетаний *пл-, кл-, др-, гл-* в адаптированных прибалтийско-финских топонимах с инициальным одиночным согласным» [9: 286]:

Пламбина Ламбина (< кар. *lambi* 'лесное озеро') в Толвие, *Климнос* в Толвие и *Климмох* в Кузаранде (< *kim, kiim* 'токовище'), *Хмелезеро* < **Melajärvi* (*mela* 'кормовое весло') и др. [6: 286]. См. также [8: 177].

Приведенные в данной работе материалы, лишь частично представляющие своеобразие заонежского говора, подтверждают наблюдения В. Н. Майнова:

«Заонежанин и говорит-то не так, как вообще северяк, многое сохранил он из древненовгородского наречия, кое-что прихватил от всяких соседних “детей корельских”, и потому его говор сейчас узнаешь и отличишь заонежанина в толпе русских крестьян» [7: 89].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наряду с топонимией, богатейшая лексика говоров Заонежья, отражающая разные исторические пласты, с одной стороны, хранит интересные в этимологическом отношении корни, с другой – содержит инновационные единицы, возникшие на собственно русской основе, но изменившиеся под влиянием соседней иноструктурной – в данном случае прибалтийско-финской – языковой систе-

мы. Как показывает материал, лексикализация фонетических явлений происходит прежде всего при перестройке анлаута.

Представленный в данной работе материал показывает своеобразие заонежского диалекта как уникальной языковой системы, в которой проявляется тесная взаимосвязь единиц фонетического и лексического уровней. Такие явления, как заонежское «яканье» (ляпанье), мена звуков, ликвидация среднеязычного начального согласного, упрощение консонантных сочетаний в анлауте, обусловленные длительным сосуществованием русского и прибалтийско-финских народов, выделяют говор Заонежья на общесвернорусском фоне.

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Помимо СРГК используются материалы других известных диалектных словарей без ссылки на них, с сохранением географических помет. Примеры приводятся без указания источника.

² Тер-Аванесова А. В. Акцентуация частной диалектной системы: (Говоры Заонежья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 20.

³ Доля Т. Г. Пословицы и поговорки, записанные в Заонежье КАССР. Словарь. Записи 60–70-х гг. XX в. Рукопись. Хранится на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, [1969]. С. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардентов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Кишинев, 1955. Т. X. С. 73–89.
2. Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Северно-русские говоры. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 206–213.
3. Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Советская этнография. 1985. № 6. С. 28–37.
4. Гринкова Н. П. К изучению олонекских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 365–392.
5. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 395 с.
6. Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.
7. Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874. 215 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/natural/pojezdka/text.pdf> (дата обращения 11.09.2019).
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
9. Муллонен И. И. Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Заонежья // Slavica Helsingiensia 27. The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Ed. by Juhani Nuorluoto. Die Slavisierung Nordrusslands. Mechanismen und Chronologie. Hrsg. von Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 283–293.
10. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
11. Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 134 с.
12. Суханова В. С., Муллонен И. И. О протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 1986. С. 38–45.
13. Шахматов А. А. Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 758–759.
14. Шахматов А. А. Отчет о поездке в Олонецкую губернию летом 1886 г. // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 760–762.
15. Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 264 с.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Lyubov P. Mikhailova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

BALTIC-FINNISH PHONETIC COMPONENT IN THE LEXIS OF THE ZAONEZHYE DIALECTS*

The article presents the main features of the dialect of the northern part of Lake Onega coast (Zaonezhye), which reflect the complex history of this territory settlement and the formation of a regional dialect system. It describes the phonetic phenomena that developed under the influence of the Baltic-Finnish languages: recessive shift of stress, accompanied by a change of first syllable vowels (such as *lyázhit* < *lezhit*, *s táboy* < *s tobóy*); transition of [j] into [g'] [d'] at the beginning of a word (*gízdít'* < *yezdit'*, *des* < **dezd* < *yezd*); simplification of consonant combinations (*gverstá* > *verstá*, *greslívij* < *reslívij*) and others. The article focuses on the lexicalization of certain phonetic phenomena, dialect words existing only in the Zaonezhye dialects.

Keywords: Zaonezhye dialects, lexicalization of phonetic phenomena, language contacts

* The study is carried out as part of the 2019 Development Program for PetrSU as a pillar university.

Cite this article as: Mikhailova L. P. Baltic-Finnish phonetic component in the lexis of the Zaonezhye dialects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.399

REFERENCES

1. Ardentov B. P. The study of the Zaonezhye dialect. *Proceedings of Kishinev State University*. 1955. Vol. X. P. 73–89. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the Zaonezhye dialects formation. *Northern Russian Dialects*. Leningrad, 1979. Issue 3. P. 206–213. (In Russ.)
3. Gerd A. S., Lutovinova I. S., Mikhailova L. P., Rozhdestvenskaya T. V. Ethnic history of the Russian North in the works of linguists and some issues of the ethnogenesis theory. *Soviet Ethnography*. 1985. No 6. P. 28–37. (In Russ.)
4. Grinkova N. P. Study of the Olonets dialects. *A. A. Shakhmatov. 1864-1920: Collected articles and materials*. Moscow, Leningrad, 1947. P. 365–390. (In Russ.)
5. Zaitseva N. G. Essays on Vepsian dialectology (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk, 2016. 395 p. (In Russ.)
6. Kolesov V. V. Phonetic conditions of “yakanye” in the Zaonezhye dialects. *Russian dialects. The study of phonetics, grammar, vocabulary*. Moscow, 1975. P. 53–58. (In Russ.)
7. Mainov V. N. A journey to Obonezhye and Korela. St. Petersburg, 1874. 215 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/natural/pojezdka/text.pdf> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
8. Mullonen I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
9. Mullonen I. I. Phonetic integration of Baltic-Finnish toponymy into the Russian toposystem of Zaonezhye. *Slavica Helsingiensia 27. The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. (Juhani Nuorluoto, Ed.). Helsinki, 2006. P. 283–293. (In Russ.)
10. Myznikov S. A. Words of the Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the north-west: Etymological and linguo-geographical analysis. St. Petersburg, 2004. 492 p. (In Russ.)
11. Popov A. I. The history of the lexis of the eastern European languages. Leningrad, 1957. 134 p. (In Russ.)
12. Sukhanova V. S., Mullonen I. I. Prosthetic *g* in the Russian dialects of Karelia. *Northern Russian dialects in a foreign language environment*. Syktyvkar, 1986. P. 38–45. (In Russ.)
13. Shakhmatov A. A. Report on a trip to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. (V. I. Eremina, Prep., Comm., Foreword). St. Petersburg, 2005. P. 758–759. (In Russ.)
14. Shakhmatov A. A. Report on a trip to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. (V. I. Eremina, Prep., Comm., Foreword). St. Petersburg, 2005. P. 760–762.
15. Shakhmatov A. A. Russian dialectology: lectures (B. A. Larin, Ed.). St. Petersburg, 2010. 264 p. (In Russ.)

Received: 2 October, 2019